

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П26

Серия «Психологический триллер»

Heidi Perks
COME BACK FOR ME

Перевод с английского О. Мышаковой

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd
и The Van Lear Agency LLC.

Перкс, Хэйди.

П26 Вернись ради меня : [роман] / Хэйди Перкс ;
[перевод с английского О. Мышаковой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Психологический
триллер).

ISBN 978-5-17-116653-3

Стелла Харви потрясена: в саду дома, где она родилась и провела детство, найдены человеческие останки. Останки Айоны Биркс — девушки, приехавшей когда-то на родной остров Стеллы на отдых...

Что же произошло тогда на острове, где, казалось бы, все жители знают друг о друге всё? Неужели один из этих мирных, уважаемых, дружелюбных провинциалов — жестокий убийца, годами ускользавший от правосудия? Но кто? Эти вопросы не дают Стелле покоя.

Она возвращается на остров и начинает собственное расследование, еще не подозревая, как далеко могут зайти люди, чтобы защитить свои секреты.

Особенно если скрывают смертельную тайну...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116653-3

© Heidi Perks, 2018
© Перевод. О. Мышакова, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Остров Эвергрин

9 сентября 1993 года

Мы уезжали в шторм. Море вздымалось гигантскими валами разъяренных волн, ливень лупил по ногам не хуже пуль. Папа наверняка знал, что в такую погоду на материк не переправляются, однако, стоя в лодке, отчаянно взмахивал рукой, чтобы мы могли схватиться за нее и спуститься. Капюшон его красного дождевика сорвало, мокрые волосы облепили голову. Перекрикивая ветер, отец требовал, чтобы мы селились, но мы застыли на краю причала.

Лодку раскачивало так, что трос скрипел, и я заметила, как другой рукой папа покрепче вцепился в стальной поручень лестницы.

— Стелла, спускайся! — позвал он.

Над головой оглушительно раскатился гром, и небо словно расколосось ослепительными изломами молний. Сзади, между высоких сосен, на секунду отчетливо показался наш дом, будто в фильме ужасов. Я крепче прижалась под плащом своего серого мишку. Мне не хотелось покидать единственный дом, который я знала, однако я еще не видела папу таким решительным: стиснутые челюсти, желваки на скулах. Я даже не подозревала, что он может быть таким неумолимым и требовательным, и невольно попятилась.

— Я никуда не поеду! — закричала стоявшая рядом Бонни. — Мы все погибнем!

Она придерживала под горлом низко надвинутый капюшон, но я могла различить ее призрачно-бледное лицо в лунном свете. Сестра всю жизнь мечтала уехать с острова, но не так же!

— Никто не погибнет, нужно ехать! — крикнул папа в ответ. Повернув голову ко мне, он добавил чуть мягче: — Все будет в порядке, обещаю.

Папина лодка, на которую мы должны были перебраться, последние шестнадцать лет служила ему паромом. Отец ежедневно за полчаса преодолевал на ней расстояние между Эвергрином и Пул-Харбором, и, если кто-то и мог доставить нас на материк целыми и невредимыми, так это он. Но мы никогда не выходили в море в такую погоду. Мама вообще не выпускала нас из дому в грозу.

— Ну почему нельзя подождать до утра? — взмолилась Бонни.

Я со страхом смотрела на бушующее море — белая пена яростно летела в нас, как плевки.

— Потому что... — начал папа. — Господи, да лезьте уже в лодку, обе! — он протягивал руку то мне, то сестре, поглядывая через мое плечо туда, где мама спускалась по причалу. Опустив голову и спрятав руки под пластиковое пончо, она катила за собой чемодан.

— Где Дэнни? — закричал отец, когда очередная вспышка молнии осветила все вокруг, заставив нас с Бонни подпрыгнуть. Я принялась считать, но успела сказать лишь «два», как оглушительно бабахнул гром. Буря надвигалась все ближе.

Брат нехотя тащился за мамой, закутанный в бесформенный черный плащ, свисавший до земли с его неуклюжего тела.

Бонни снова закричала, указывая на море, где между вздымавшимися огромными валами зияли глубокие

провалы. Такого мне еще не приходилось видеть. Новый оглушительный треск расколол воздух, и я взвизгнула, когда крупная ветка с одной из сосен упала рядом. Я отпрыгнула, и порывистый ветер понес ветку по пристани.

На секунду папа замолчал, провожая ее глазами. По моим мокрым от дождя щекам текли слезы — сердце разрывалось при мысли покинуть любимый остров. Мне страшно хотелось, чтобы папа понял — что бы там ни было, оно того не стоит.

— Дэвид, я думаю, нам следует подождать, — произнесла мама срывающимся высоким голосом, глядя на море. — Уедем на рассвете...

Мы затаили дыхание, но отец оторвал глаза от упавшей ветки и гневно уставился на маму:

— Нет, Мария, мы едем немедленно!

— Да что случилось? — вмешалась я. Папа всегда был ласковее и покладистее мамы, позволял нам поиграть лишним полчаса или съесть шоколадное печенье, даже если мы уже почистили зубы. — Мама!

Почему она больше не пытается его остановить? Она лучше, чем кто-либо другой, понимала, что этот остров был частью меня. Я не выживу без Эвергрин! И мама любила его не меньше.

Она взглянула на меня. Страх, плескавшийся в ее глазах всего мгновение назад, сменился пугающей бесстрастностью.

— Мама... — повторила я дрогнувшим голосом, ожидая, что она велит нам возвращаться в дом. Однако вместо этого твердая мамина ладонь направила меня к сходням. На последней ступеньке я остановилась, но мама подтолкнула сильнее, и мне ничего не оставалось, кроме как пробежать вперед, оставив без внимания протянутую папину руку. Я с размаху села на одну из скамеек под навесом.

Дэнни молча сошел в лодку и сел позади меня, отвернувшись к оконцу. Он не смотрел ни на кого из нас, хотя в этом не было ничего необычного.

— Я не хочу ехать, — заявила я, поочередно заглядывая в лица старших. Только Бонни посмотрела на меня, присаживаясь рядом. Я чувствовала, как дрожала ее нога возле моей, — впервые мы с сестрой были так близки.

Сбросив капюшон, я в отчаянии глядела на остров через поцарапанное стекло нашей лодки, которую нещадно хлестал дождь. Мое сердце разделилось надвое — казалось, что одна его половина осталась на острове.

Слезы еще текли по щекам, когда от ураганного ветра лодка сильно накренилась. Бонни вскрикнула. Я за что-то схватилась, чтобы не слететь с лавки, и выронила своего серого мишку. Может, сестра и права и мы не доберемся до материка, но отчего-то папа твердо решил попробовать. Мне стало все равно, утонем мы или нет.

В одиннадцать лет я была не готова принять наскоро придуманные родителями объяснения нашего внезапного бегства с острова. Я не верила, что это к лучшему, и не понимала, почему нас куда-то тащат в такой шторм.

— А мы вернемся? — прошептала я сестре.

Дрожащая рука Бонни нашла под дождевиком мою.

— Нет, — ответила она, — не думаю, что мы когда-нибудь вернемся.

Настоящее

ГЛАВА 1

Мои клиенты сидят на диване: ее руки намертво скрещены на груди, а он сидит, подавшись вперед и опустив сцепленные кисти между широко

расставленных ног. Расстояние между супругами такое, что я легко уместилась бы между ними, и на каждом из сеансов они отодвигаются друг от друга все дальше.

Женщина так сжала зубы, что на ее скулах заметны желваки. Я удивляюсь, что сегодня она не плачет — на прошлых консультациях не обходилось без слез. Муж то и дело бросает взгляды на супругу, и всякий раз у него дергаются брови, будто он либо задается вопросом — когда все так разладилось, либо соображает, что предпринять.

— Я не знаю, что еще сказать, — мямлит он. Жена с усмешкой качает головой, еле слышно что-то буркнув. — Ну, прости меня, — спохватывается он.

— О Господи! — кричит она, вскидывая взгляд к потолку. Видимо, сегодня решила удержаться от слез во что бы то ни стало.

Ненавижу этот момент, однако минутная стрелка миновала цифру шесть — Таня уже ждет, чтобы закрыть офис. Администратор уходит последним.

— Боюсь, что... — начинаю я, но клиентка, не дослушав, вскакивает с дивана и хватается кардиган, уныло свисающий с подлокотника:

— Знаю, наше время истекло.

— Мне очень жаль, — говорю я искренне. Я готова повести их в паб и позволить выговориться, но это абсолютно непрофессионально. — Может быть, в заключение вы хотите что-нибудь сказать?

— По-моему, сегодня он сказал достаточно.

Муж, закусив губу, поднимается и, не глядя на меня, подбирает куртку.

— Вам доводилось раскаиваться в том, что вы спросили о чем-то, чего не желали знать? — тихо произносит клиентка, идя к дверям.

— А вам? — спрашиваю я.

Она делает едва заметное неопределенное движение головой.

— Теперь я уже не могу этого не знать, не так ли?

Я киваю. Да, отныне ей придется жить с осознанием, что муж ей изменил. Я раздумываю, не предложить ли клиентке прийти на следующий прием одной, но она уже говорит с Таней, записываясь на совместную консультацию через неделю.

Когда супруги уходят, я запираю кабинет и подхожу к столу администратора. Таня, поправляя очки с толстыми стеклами, что-то резво печатает на клавиатуре и не поднимает взгляд, пока я не подхожу к ней почти вплотную.

— Я, пожалуй, пойду, — говорю я. — Простите, что задержалась.

Звонит телефон. Таня смотрит на часы, но берет трубку.

— Офис Стеллы Харви!

Я до сих пор испытываю удовольствие, слыша эти слова. Пока администратор объясняет структуру цен на прием у семейного психолога, я в который раз прикидываю, сколько могла бы сэкономить на ее жалованье. Таня, так сказать, идет в счет аренды — соседние кабинеты снимают физиотерапевт, педикюрша и целитель рейки*, но ни один из нас не работает полный день, и я не верю, что мы не можем обойтись без администратора.

Повесив трубку, Таня поворачивается к компьютеру, чтобы закрыть программу.

— Потенциальные клиенты, — сообщает она. — У молодых супругов проблемы с дочерью. Они собираются перезвонить на следующей неделе.

* Рейки — вид нетрадиционной восточной медицины. — *Примеч. ред.*

— Спасибо. Какие планы на выходные?

— Мы с Майком едем к его родителям. А у вас?

— Завтра обедаю у Бонни.

— Как она поживает? — Таня поднимает брови.

Я смеюсь.

— У нее все отлично. Муж в отъезде, вернется через пару дней, — зачем-то добавляю я, хотя не могу и предположить, как скажется на Бонни отсутствие Люка: обрадует ее это обстоятельство или, наоборот, разозлит.

Таня кивает, поджав губы, без сомнения вспоминая тот единственный раз, когда она встретилась с моей сестрой. Таня явно не была очарована, но я давно перестала беспокоиться о защите Бонни. В какой-то момент мне стало безразлично, что думают о ней другие. Я потеряла почти всех близких, поэтому меня нельзя винить за желание общаться с сестрой.

Кроме того, никто никогда не понимал наши отношения. Даже я не смогла бы объяснить все нюансы. Мы полные противоположности, но восемнадцать лет назад, после ухода Дэнни, я поклялась, что никогда не брошу сестру. Тогда мне впервые пришло в голову — может, Бонни не виновата, что она такая?

В детстве мама, думая, что я сплю, заходила поправить мне одеяло. Она опускалась возле кровати на колени, и я чувствовала на лице ее теплое дыхание, а обволакивающий аромат «Шанели» еще долго ощущался в комнате.

— Стелла, мое дитя, — шептала она, мягко поглаживая меня по волосам. — Мне бы вполне хватило одной тебя...

Может, на Бонни мамы просто не хватало.

Мы с Таней вместе выходим из офиса. Она поворачивает направо, а я перехожу улицу, чтобы срезать

дорогу через парк, мимо собора. До моей квартиры на окраине Манчестера идти двадцать минут.

Мне нравится ходить пешком, даже в январе, когда улицы освещают только фонари и от холода горят щеки. На ходу я обдумываю сессии, намеченные на следующую неделю, и, как всегда по пятницам, даю себе слово уделять больше внимания развитию собственного бизнеса.

Решение стать семейным психологом и открыть частный кабинет я приняла не под влиянием минутной прихоти. Я не из тех людей, кто с раннего детства знает, кем станет, хотя в школе была круглой отличницей. Понадобилось десять несчастливых лет в компании по подбору персонала и неплохой бонус в связи с сокращением, чтобы решиться.

Одиннадцать месяцев назад я прошла обучение и обязательный курс психотерапии. Мой преподаватель с самого начала подчеркнула важность этого этапа: детские психологические травмы или нерешенные проблемы прежних отношений способны исказить мои суждения и сделать консультирование необъективным.

Я попыталась увильнуть, но безуспешно, и поняла, что если продолжу отказываться, это вызовет недоверие. Немалую часть своей биографии я аккуратно разложила по «коробочкам» и глубоко их спрятала. В нашей семье это отлично умели делать все, я училась у настоящих виртуозов. Правда, это шло вразрез с тем, чего я ожидала от своих клиентов.

— Почему вас привлекает семейная психология? — было первым вопросом, который задала мне психотерапевт.

Я ответила, что у меня было очень счастливое детство, любящие родители и идиллическая жизнь на Эвергрине, что меня интересуют семейные отноше-

ния и я считаю, что обладаю врожденной способностью выслушивать и помогать. В целом я рассказала правду, опустив только отъезд с острова и несколько дней перед этим.

Консультант, как и большинство людей, сразу заинтересовалась Эвергрином.

— Неужели там живут всего сто человек? — изумилась она.

Я кивнула:

— Сто с чем-то. Я всех знала, и все знали меня.

Услышав в моем голосе искреннее восхищение, она уставилась на меня с открытым ртом.

— Мне правда нравилось, — засмеялась я. Кому-то в такой обстановке покажется тесно, но для меня на земле не было лучшего места, чем Эвергрин.

— А вы не чувствовали себя отрезанными от мира?

Еще один популярный вопрос. Хотя на пароме до материка всего полчаса, с побережья Дорсета Эвергрин не видно.

— Я — нет, — ответила я.

А вот моя сестра ходила мрачнее тучи, когда зимой сообщение с Большой землей ограничивалось единственным рейсом папиного парома в день. Впрочем, Бонни всей душой ненавидела остров, который я обожала.

— Вы говорите, что на момент отъезда вам исполнилось одиннадцать? — продолжала психотерапевт. — А сколько лет было вашим брату и сестре?

— Дэнни пятнадцать, а Бонни семнадцать, — сообщила я. — Я — младшая.

Консультант кивнула, хотя я не поняла, что она для себя вывела. Широко улыбаясь, я прикидывала, как бы не сболтнуть лишнего, когда она станет интересоваться нашим последним летом на острове и годами после на-

шего отъезда. Она захочет узнать, отчего распался брак моих родителей, а я не смогу ей ответить. У всех нас были свои секреты, которые каждый держал при себе. Мы никогда не говорили о них, и в конце концов они раскололи нашу семью на части.

Я хотела помогать людям разговориться, потому что на молчании наша семья и споткнулась, но я не собиралась выкладывать это психотерапевту. Вместо этого я вкратце рассказала, как сложилась наша жизнь после отъезда с острова, упомянув лишь голые факты.

От воспоминаний о нескольких консультациях, которые мне пришлось вытерпеть, меня отвлекают первые увесистые капли дождя. Приходится зайти в первый же магазин, чтобы не промокнуть: видимо, зонтик остался в офисе. Бродя вдоль винных стеллажей маленького универмага в ожидании, когда стихнет дождь, я выбираю белое «Совиньон» за семь фунтов.

Придя домой, я наливаю себе бокал и сажусь у окна, наблюдая, как частые капли усеивают стекло. Несмотря на то, что у меня мало дел на выходные и я, строго говоря, работаю не пять дней подряд, на душе все равно ощущение пятницы. Я с удовольствием думаю, как сейчас допью «Совиньон» и приготовлю карри, а потом поднимусь к Марко, который живет этажом выше, и мы выпьем с ним еще по бокалу. Так я и делаю, при этом не подавшись на уговоры пойти с ним в клуб.

К себе я возвращаюсь только в десять, но спать еще не хочется, поэтому, устроившись на диване, я укутываюсь в плед и включаю телевизор, рассеянно листая журнал.

Начинаются новости, и я поднимаю взгляд на экран: девушка-репортер стоит перед неким домом, держа большой зонт, — ветер яростно треплет ее волосы, собранные в «конский хвост». Я смотрю на бегущую

строку и снова на девушку. Сперва я не замечаю ничего особенного и уже собираюсь вернуться к журналу, когда кое-что в кадре привлекает мое внимание.

У камеры необычный ракурс, но в верхнем углу экрана отчетливо видно характерное окно — круглое, с матовым стеклом. Не веря своим глазам, я подаю вперед, хватаю пульт и прибавляю громкость, чтобы сквозь бешеный стук в висках расслышать, что говорит журналистка.

Странно, как я сразу не узнала наш дом, навсегда отпечатавшийся в моей памяти до мельчайших деталей. Мне достаточно только подумать о нем, и я смогла бы нарисовать его во всех подробностях с разрешением в тысячу пикселей. Впрочем, дом уже не совсем похож на себя.

Внешние подоконники выкрашены в насыщенный бирюзовый цвет, а когда камера поворачивается, я разглядываю белые, в колониальном стиле, карнизы под сточными желобами и пристроенную спереди оранжевую. Дом сильно изменился, однако это, несомненно, он: белый штакетник слева ставил отец, чтобы отделить двор от тянувшейся с краю общей тропы. Справа по-прежнему шумят высокие сосны.

Сквозь шум в ушах я сосредотачиваюсь на словах журналистки.

— Судя по всему, жители острова напуганы произошедшим.

Я перевожу взгляд на бегущую строку, едва успев прочесть: «...острове вчера ночью». Далее следуют новости о Сирии, но уже очень скоро телерепортеры вновь возвращаются к сенсации на острове.

— Значит, других подробностей полиция пока не сообщает? — спрашивает диктор в студии. На экране появляется наш сад и белый полицейский тент, аккумуля-